

Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИСАВИН Павел Александрович

Материальное значение процессуального поведения

Уровень образования: магистратура

Направление 40.04.01 «Юриспруденция»

Основная образовательная программа

«ВМ.5552.2021 Гражданский процесс, арбитражный процесс»

Научный руководитель:

Профессор кафедры гражданского
процесса, кандидат юридических
наук, профессор

Шварц Михаил Зиновьевич

Рецензент:

Спиридонов Дмитрий Юрьевич
Начальник отдела, Комитет по
промышленной политике и
инновациям

Санкт-Петербург

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Отдельные аспекты проявления материального значения процессуального поведения	6
§ 1. Материально-правовые последствия непривлечения лица к участию в деле	6
§ 2. Материально-правовые последствия представления подложных доказательств	10
§ 3. Материально-правовое значение заключения мирового соглашения.....	14
Глава 2. Материально-правовое значение предъявления искового заявления и заявления ходатайства о принятии обеспечительных мер.....	16
§ 1. Материально-правовые последствия предъявления искового заявления.	16
§ 2. Предъявление искового заявления как способ прекращения гражданско- правовых отношений	28
§ 3. Материально-правовые последствия, вызванные принятием обеспечительных мер.....	31
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	45
Библиографический список:.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Любое субъективное частное право подлежит защите. Как правило, защита субъективного права происходит в специально созданных государственных органах, осуществляющих правосудие – судах. Деятельность судов по разрешению споров о защите субъективных гражданских прав составляет предмет цивилистического процесса.

Поскольку процессуальное право представляет собой право публичное, гражданский процесс в определенном смысле является заранее определенной процедурой, то есть последовательностью совершаемых участниками гражданских процессуальных отношений действий, порядок совершения которых регламентирован процессуальным законодательством. Кроме того, специфика процессуальных отношений состоит в наличии суда как обязательного участника таких отношений. Таким образом, гражданское процессуальное законодательство призвано определить совокупность прав и обязанностей и порядок совершения процессуальных действий для суда и остальных участников процесса – лиц, участвующих в деле, свидетелей, экспертов и других участников судопроизводства.

Как уже было сказано выше, отправной точкой процессуальной деятельности является обращение за защитой нарушенного материального права. Любое материальное право, непосредственно содержащее в себе совокупность прав и обязанностей управомоченного субъекта, может быть нарушено (то есть стеснено или иным образом поставлено под сомнение другим лицом), что является основанием для его защиты.

Процессуальное законодательство в качестве критерия обращения в суд за защитой предполагаемого права устанавливает наличие интереса в судебной защите такого права (законного интереса). Следовательно, отправной точкой процессуальной деятельности, переводящей материальные, бесспорные правоотношения, в процессуальную, направленную на разрешение спора о

праве, плоскость, является обращение заинтересованного лица в судебный орган путем подачи искового заявления.

В свою очередь, переход материального правоотношения в процессуальную плоскость наделяет субъектов материального правоотношения новым статусом – набором специальных процессуальных инструментов, необходимых для достижения целей каждого из участников судопроизводства. К примеру, участвующие в деле лица вправе заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела, представлять доказательства, истец вправе поддерживать иск или отказываться от него, ответчик вправе иск признать или настаивать на отсутствии оснований для его удовлетворения, стороны вправе совместно ликвидировать возбужденный спор о праве путем подписания мирового соглашения и т.д. При первом приближении все процессуальные действия направлены на достижение сугубо процессуального результата, прямо указанного в законе. Так, приведенные выше примеры отказа истца от иска или заключения сторонами мирового соглашения ведут к аналогичному результату – прекращению спора о праве и, как следствие, прекращению производства по такому спору, о чем прямо упомянуто в законе (ст. 150 АПК РФ, ст. 220 ГПК РФ), признание иска ответчиком – разрешению спора о праве в пользу истца, что также приводит к исчерпанию возбужденного спора.

Вместе с тем, несмотря на то, что субъекты материального правоотношения участвуют в разрешении спора о праве и реализуют свои права и обязанности путем совершения процессуальных действий для достижения определенного и, казалось бы, очевидного результата, за мотивами и последствиями такого поведения не всегда может стоять достижение только процессуальный результат.

В настоящей работе будет предпринята попытка проанализировать отдельные аспекты тех или иных процессуальных действий и постараться доказать, что процессуальное поведение вполне способно нести в себе последствия материально-правового характера и отражаться не только на правах и обязанностях внутри процесса, но и выходить за него рамки. Первая

глава посвящена иллюстративному анализу отдельных аспектов материально-правового значения совершения процессуальных действий на конкретных примерах для общего понимания проблематики, во второй главе сделан акцент на детальное исследование материально-правовых последствий таких процессуальных действий как предъявление искового заявления и связанного с ним предъявления ходатайства о принятии мер по обеспечению иска, включая анализ материально-правовой природы таких последствий, судебной практики, доктринальных подходов.

Таким образом, целью выпускной квалификационной работы является аргументированное обоснование тезиса о том, что материальное и процессуальное право – два неразрывно связанных между собой института, несмотря на разный предмет регулирования. Так, например, если правонарушение – факт материального права – способно влечь процессуальные последствия (возбуждение спора о нарушенном праве в суде), некоторые процессуальные действия также вполне способны влечь за собой материально-правовые последствия, выходящие за пределы судопроизводства.

Избранная проблематика представляет собой как догматический, так и сугубо прикладной интерес, поскольку, с одной стороны, наглядно демонстрирует небесспорный в юридической науке тезис о том, что материальное и процессуальное право – неразрывно связанные между собой отрасли, с другой стороны, позволяет посмотреть на процессуальные действия с точки зрения материального права и расценивать процессуальную деятельность как основание для возникновения материально-правовых отношений при разрешении конкретных и вполне мыслимых практических ситуаций.

Глава 1. Отдельные аспекты проявления материального значения процессуального поведения

§ 1. Материально-правовые последствия непривлечения лица к участию в деле

Материальные последствия процессуальной деятельности можно обнаружить в гражданском законодательстве. Так, в нормах Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ) предусмотрены случаи, так или иначе оговаривающие последствия непривлечения стороной судебного процесса лица, связанного со спорным правоотношением, к участию в деле. Приведем эти примеры.

Во-первых, обратимся к норме п. 3 ст. 399 ГК РФ, посвященной аспектам субсидиарной ответственности. В норме сказано, что лицо, несущее субсидиарную ответственность, должно до удовлетворения требования, предъявленного ему кредитором, предупредить об этом основного должника, а если к такому лицу предъявлен иск – привлечь основного должника к участию в деле. В противном случае основной должник имеет право выдвинуть против регрессного требования лица, отвечающего субсидиарно, возражения, которые он имел против кредитора. Закон исходит из презумпции того, что основной должник лучше осведомлен о взаимоотношении с кредитором, поэтому он в случае предъявления искового заявления к субсидиарному должнику должен быть привлечен к участию в деле.

Таким образом, если несущее субсидиарную ответственность лицо не привлекает основного должника, основной должник в регрессном процессе не лишается права возражать против взыскания задолженности. Такое регулирование логично, и если бы оно не было поименовано в законе, его можно было вывести из требований добросовестности участников гражданского оборота. Представим ситуацию, когда к субсидиарному должнику был предъявлен иск о взыскании задолженности за пределами исковой давности, такой должник не привлечет основного должника к участию в

деле, иск был удовлетворен и задолженность была взыскана, после чего субсидиарный должник обратился с регрессным требованием к основному должнику. В таком случае основной должник должен иметь право на выдвижение возражений против субсидиарного должника, а именно заявить о том, что требование находилось за пределами исковой давности, и, участвуя он в деле, к которому его должен был привлечь субсидиарный должник, иск не был бы удовлетворен, и задолженность не была бы взыскана ни с него, ни с субсидиарного должника.

Во-вторых, статья 762 ГК РФ обязывает заказчика привлечь подрядчика к участию в деле по иску, предъявленному к заказчику третьим лицом в связи с недостатками составленной технической документации или выполненными изыскательскими работами. Логика привлечения подрядчика в таком случае схожая: подрядчик несет ответственность за качество выполненных работ, и в случае обнаружения недостатков он так или иначе является конечным ответчиком в спорах о возмещении убытков за некачественно выполненные работы. Закон не устанавливает каких-либо критериев для определения спора как связанного с недостатками выполненных работ, также не ограничивается и потенциальный круг третьих лиц, обратившихся с соответствующим требованием к заказчику. Последствием несоблюдения данного правила, как представляется, является утрата заказчиком возможности получения в порядке регресса с подрядчика сумм, уплаченных по требованию третьего лица, но лишь при условии обоснования подрядчиком того обстоятельства, что при привлечении в дело его доводы исключили бы ответственность заказчика перед третьим лицом. Здесь же необходимо отметить, что непривлечение заказчиком подрядчика в процесс не является основанием для отмены судебного акта по иску к заказчику, поскольку решение суда в данной ситуации непосредственно на права проектировщика не влияет и риск неблагоприятных последствий несоблюдения

требований ст. 762 ГК РФ в данном случае ложится на заказчика¹.

Наконец, наиболее показательным примером материального значения непривлечения лица к участию в деле содержат положения ст. 462 ГК РФ, регулирующей классический гражданский институт изъятия товара третьим лицом (эвикция).

Так, если третье лицо по основанию, возникшему до исполнения договора купли-продажи, предъявит к покупателю иск об изъятии товара, покупатель обязан привлечь продавца к участию в деле, а продавец обязан вступить в это дело на стороне покупателя. Непривлечение покупателем продавца к участию в деле освобождает продавца от ответственности перед покупателем, если продавец докажет, что, приняв участие в деле, он мог бы предотвратить изъятие проданного товара у покупателя. Продавец, привлеченный покупателем к участию в деле, но не принявший в нем участия, лишается права доказывать неправильность ведения дела покупателем.

Итак, продавец освобождается от ответственности перед покупателем, если докажет, что он бы доказал отсутствие оснований для изъятия вещи. По сути, перед нами пример допущения законодателем двух противоречащих друг другу судебных актов и их относительной силы: в споре между третьим лицом и покупателем суд установил основания для изъятия вещи, а в последующем споре между продавцом и покупателем продавец доказал, что оснований для изъятия в действительности не было, а решение об изъятии в отношении него преюдициальной силы иметь не может (только при условии успешного доказывания обратного). Как верно отмечено Н.В. Платоновой, перед нами пример, при котором продавец вправе не только обжаловать судебный акт об изъятии вещи, но и в деле о возмещении убытков по иску покупателя он вправе

¹ Утка В.И. Договор подряда на выполнение проектных работ: актуальные проблемы правоприменения // Право и экономика. 2009. № 11. С. 38.

ссылаться на все свои доказательства, обосновывая, что, прими он участие в деле, результат его рассмотрения был бы иным².

С другой стороны, когда продавец, которому покупатель надлежащим образом обеспечил возможность участия в деле об истребовании вещи (выражаясь процессуальным языком – ходатайство покупателя о привлечении продавца в качестве третьего лица на его стороне было удовлетворено судом), в деле о взыскании убытков он лишается возможности доказывать неправильность ведения дела покупателем, то есть лишается права представлять собственные доказательства, и тогда решение суда об изъятии вещи в полной мере является для продавца обязательным.

Уместно поставить вопрос, за что именно наступает ответственность продавца: за ненадлежащее исполнение договора купли-продажи либо за неучастие в деле? Исходя из текста закона, ответственность устанавливается именно за неучастие в деле: если продавец не участвовал в деле, он лишается права доказывать, что обязательство им было исполнено надлежащим образом.

Вместе с тем норма ст. 462 ГК РФ не устанавливает, каким образом покупатель должен участвовать в деле. Если покупатель явится в одно из судебных заседаний, его участие можно признать достаточным для того, чтобы исключить предусмотренные ст. 462 ГК РФ последствия? Или продавец наравне с покупателем обязан принимать деятельное участие и представлять все доказательства в опровержение доводов истца в деле об изъятии вещи, заявлять ходатайства о назначении экспертизы, нести судебные расходы и т.п.?

Думается, что под участием продавца в деле должно пониматься разумное, активное процессуальное поведение, включая дачу объяснений, представление доказательств, поскольку подразумевается, что продавец – это лицо, обладающее всеми сведениями о «чистоте» титула спорной вещи. Поэтому он, а не покупатель, должен доказывать, что у истца правовых оснований на вещь не может быть: закон, устанавливая основание для

² Платонова Н.В. Обязанность продавца вступить в дело на стороне покупателя: некоторые аспекты применения статьи 462 Гражданского кодекса Российской Федерации // Арбитражные споры. 2018. № 3.

освобождения от ответственности для продавца, предполагает, что продавец в силах предотвратить изъятие товара, поскольку предполагается, что он, по крайней мере, владел ею до передачи покупателю и сможет опровергнуть доводы истца.

Наконец, необходимо обратить внимание на то, что в каждом из приведенных примеров закон обязывает лицо (субсидиарного должника, заказчика, покупателя) привлекать к участию в деле связанного с ним субъекта (основного должника, подрядчика, продавца). Строго говоря, самостоятельно привлечь к участию в деле названных лиц сторона не может: привлечение в дело нового лица является исключительной прерогативой суда. Скорее, такие лица должны заявить соответствующие ходатайства о привлечении третьего лица, которое судом не может быть отклонено в силу предусмотренных законом оснований для участия в деле перечисленных лиц.

Вопрос в том, может ли суд привлечь таких лиц по собственной инициативе? Представляется, что ответ должен быть отрицательным, поскольку в ГК РФ прямо названы лица, которые обязаны озаботиться привлечением третьего лица к участию в деле, из чего следует, что суд за них исполнять обязанность не праве. Кроме того, закон предусматривает для лиц, не заявивших ходатайство о привлечении, прямые неблагоприятные последствия, и суд не должен своими действиями предупреждать наступление таких последствий, поскольку, как мы видим из регулирования, непривлечение несет конкретные последствия в правоотношения субъектов оборота, в которые суд вмешиваться не вправе.

§ 2. Материально-правовые последствия представления подложных доказательств

Возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности за представление сфальсифицированных доказательств появилась после вынесения Верховным Судом РФ Определения от 20.12.2018 по делу № А40-135360/2017 (дело общества «Алькор»).

Суть дела заключалась в следующем. Общество «Алькор» обратилось в суд с исковым заявлением к департаменту городского имущества о взыскании упущенной выгоды за незаконное выселение из здания, мотивируя свои требования тем, что приобрело в собственность здание и сдавало его в аренду, однако департамент в судебном порядке потребовал признать за собой право собственности на спорное здание, вследствие чего общество и связанные с ним арендаторы были выселены.

Однако спустя почти 10 лет после выселения общества и признания за городским департаментом права собственности на спорное здание дело было пересмотрено по вновь открывшимся обстоятельствам, и в иске было отказано, а право собственности было вновь признано за обществом «Алькор». При новом рассмотрении дела выяснилось, что в основу первоначального решения было положено сфальсифицированное городским департаментом доказательство, а именно ордер, представленный в качестве доказательств возникновения права собственности города на спорное недвижимое имущество, подложность которого была подтверждена в рамках предварительного следствия. После возвращения контроля над объектом недвижимости обществом было предъявлено исковое заявление о возмещении убытков, возникших в связи с признанием за городом права собственности на спорные помещения. Суд первой инстанции признал требования обоснованными, но вышестоящие инстанции иски не поддержали. По мнению судов апелляционной и кассационной инстанций, в поведении департамента отсутствовали признаки противоправности, что исключает удовлетворение требований о взыскании внедоговорных убытков в порядке ст. 1064 ГК РФ, с чем не согласился Верховный Суд.

По мнению коллегии по экономическим спорам, в результате представления сфальсифицированного доказательства у общества фактически прекратилось право собственности, которое было приобретено им на законном основании, в связи с чем общество было лишено возможности извлекать доходы от использования объекта недвижимости. Верховный Суд поддержал

выводы суда первой инстанции и подтвердил правомерность взыскания убытков с департамента по правилам ст. ст. 1064, 1068 ГК РФ.

Следовательно, ВС РФ признал возможность применения правил ст. 1064 ГК РФ, содержащей в себе идею «генерального деликта», к действиям процессуального характера – представлению порочных доказательств. Здесь же следует поставить вопрос: возможно ли распространительно толковать подход ВС РФ о том, что деятельность по представлению доказательств способна являться основанием для возникновения деликтного обязательства? В приведенном деле ситуация более очевидна: порочность доказательства установлена в рамках предварительного следствия, фальсификация доказательств является преступлением (следовательно, априори противоправно), представление такого доказательства привело к возникновению убытков у потерпевшего. Однако может ли в остальных случаях, без однозначных признаков явной незаконности, представление доказательств нести материально-правовые последствия в виде возникновения обязанности возместить убытки? Может ли принцип процессуальной добросовестности толковаться таким образом, что сторона должна представлять все имеющиеся имеющие значение для верного разрешения спора и сообщать обо всех известных ей обстоятельствах, даже если подобные действия будут совершены во вред ее собственной процессуальной позиции? На первый взгляд, подобное допущение встанет в конфликт с принципом состязательности процесса, в соответствии с которым суд разрешает дело только на основании доказательств, представленных сторонами, сохраняя объективность и беспристрастность. С другой стороны, известна правовая позиция Верховного Суда РФ, согласно которой умышленное и недобросовестное сокрытие ключевых доказательств, имеющих решающее значение для разрешения дела, может служить основанием для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам (см. напр. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2021 по делу № А65-6755/2017). ВС РФ отметил, что скрывающая

доказательство лицо исключительно с целью собственной выгоды не может защищаться принципом правовой неопределенности, и принцип недопустимости существования объективно ошибочных решений должен иметь приоритет³.

Может ли такое поведение быть не только основанием для пересмотра дела, но и основанием для предъявления иска об убытках (в случае их наличия), вопрос неоднозначный. Представляется, что при наличии признаков умышленного непредставления доказательства исключительно с целью недопущения установления «невыгодных» такому лицу обстоятельств может идти речь о противоправном процессуальном поведении, которое может являться основанием для возникновения обязательства возместить вред. Между тем нельзя допускать случаев возможности взыскания убытков за любое, пусть даже сознательное сокрытие любых доказательств, если такое сокрытие, возможно, и препятствует установлению истины по делу, однако сам факт такого сокрытия не является вредоносным для другой стороны и не мешает осуществить доказывание с помощью других средств.

Судебной практике в этом контексте еще предстоит найти оптимальный баланс между состязательностью и недопущением злоупотребления процессуальными правами – приведенная позиция Верховного Суда РФ о принципиальной возможности признания такого процессуального действия как представление доказательств противоправным может быть использована в качестве отправной точки для развития принципа процессуальной добросовестности, а именно обязанности раскрытия ключевых доказательств не только под страхом возможного пересмотра спора по вновь открывшимся обстоятельствам, но и под страхом привлечения к деликтной ответственности за умышленные действия, препятствующие защите прав заинтересованного лица.

³ Платонова Н.В. Соккрытие участником процесса фактических обстоятельств дела как основание возникновения деликтного обязательства (постановка проблемы) // Закон. 2022. № 7. С. 74.

§ 3. Материально-правовое значение заключения мирового соглашения

В материальном смысле мировое соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, подлежащий утверждению судом⁴.

С процессуальной точки зрения мировое соглашение – это способ прекращения спора сторон путем их примирения на взаимовыгодных условиях, добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок.

Институт мирового соглашения по своей природе является материально-процессуальным: с одной стороны, мировое соглашение рассматривается как сделка, с другой стороны, мировое соглашение, регулирование которого отдано процессуальному законодательству, является добровольным способом ликвидации спора о праве. Заключение мирового соглашения – пример проявления диспозитивности гражданского процесса, а именно того, что судьба спора всецело находится в руках его участников. Иными словами, стороны имеют возможность прекратить спор о праве на собственных условиях, в соответствии с которыми могут взаимно простить друг другу имеющиеся претензии, пусть даже при отсутствии правовых оснований и юридико-фактического состава к разрешению спора подобным образом.

В этой связи необходимо отметить важное замечание – к мировому соглашению помимо норм процессуального права подлежат применению нормы гражданского права о договорах, в том числе правила о свободе договора (ст. 421 ГК РФ) – такую позицию сформулировал Высший Арбитражный Суд РФ в своем Постановлении Пленума от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» (п.9).

В этом аспекте мировое соглашение представляет интерес в рамках рассматриваемой темы материально-правовых последствий процессуального поведения. Заключение мирового соглашения – это процессуальное право сторон решить возбужденный спор миром путем заключения гражданско-

⁴ См. особое мнение судьи Сарбаша С.В. к Постановлению Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 // СПС «КонсультантПлюс»

правовой сделки внутри процесса, условия которой могут быть сформулированы произвольным образом в соответствии с принципом свободы договора. Отметим, что за мировым соглашением непосредственно судебная практика признала статус гражданско-правового договора (см., напр., Постановление Президиума ВАС РФ от 07.06.2012 по делу № А55-18249/2010), а не стала распространять на него нормы договорного права и правила о сделках по аналогии. Перед нами пример показательный пример того, как процессуальное действие порождает собой факт материального права – сделку.

Вместе с тем необходимо отметить, что не все нормы гражданского законодательства могут быть одинаково применимы к мировому соглашению. Правила о сделках и о договорах сформулированы таким образом, что их применение ориентировано на материально-правовую плоскость, когда стороны заключают сделки вне и без участия суда. В мировом соглашении обратная ситуация: сделка заключается в суде и им же утверждается, в связи с чем, например, отсутствует необходимость в предъявлении иска об исполнении мирового соглашения – сторона вправе, минуя судебный спор, получить исполнительный лист и запустить процедуру принудительного исполнения мирового соглашения. Аналогичным образом невозможно оспорить мировое соглашение как сделку по правилам ст. ст. 166, 167 ГК РФ, поскольку мировое соглашение представляет собой судебный акт, которым его условия были утверждены, и оспорить его – значит обжаловать сам судебный акт, что и является единственной формой дезавуирования мирового соглашения.

Следовательно, несмотря на то, что мировое соглашение и порождает материально-правовые последствия, применение норм материального права к нему при этом остается ограниченным из-за процессуальных особенностей, не позволяющих безусловно признать мировое соглашение классической гражданской сделкой.

Глава 2. Материально-правовое значение предъявления искового заявления и заявления ходатайства о принятии обеспечительных мер

§ 1. Материально-правовые последствия предъявления искового заявления

По умолчанию главным значением предъявления искового заявления является возбуждение процедуры защиты нарушенного права. Иными словами, лицо, которое считает свое право нарушенным (истец), имеет безусловное право защитить такое право в суде путем подачи искового заявления. Суд, принявший исковое заявление, возбуждает спор о праве, назначает судебное разбирательство, в которое призывает явиться ответчика, рассматривает дело по существу, исследуя доказательства, принимает решение, в котором делает выводы о наличии либо отсутствии правовых оснований для удовлетворения требований истца – так выглядит стандартный процесс судопроизводства.

Вместе с тем за подачей искового заявления могут стоять иные, неочевидные для процессуального права цели и мотивы. Истец, который своим односторонним действием, по сути, заставляет ответчика помимо его собственной воли участвовать в судебном разбирательстве, буквально призывая того к ответу, вполне может преследовать отличный от защиты права, скрытый интерес в предъявлении иска.

Самый очевидный из таких интересов – навредить ответчику. Формально ничто не запрещает истцу предъявить заведомо необоснованное требование, которое ни при каких обстоятельствах не подлежит удовлетворению, для того, чтобы вызвать неблагоприятные последствия для самого ответчика. В доктринальных источниках такие иски принято называть «злонамеренными».

О каких неблагоприятных последствиях может идти речь? Итак, ответчик из-за предъявления к нему искового заявления вынужден принимать участие в судебном разбирательстве для отстаивания собственной правоты, с чем связаны сложнооценимые материальные потери на сбор и представление доказательств, оплату судебной экспертизы, услуг юридических консультантов и судебных представителей, оплату транспортных, почтовых расходов и т.п.

В таком случае интересы ответчика отчасти защищены институтом взыскания судебных издержек с проигравшей стороны – выигравший спор ответчик вправе взыскать с истца понесенные им в связи с рассмотрением дела расходы, однако расходы на оплату услуг представителя возможно взыскать в «разумных пределах», что в практическом смысле означает фактическую невозможность победившего ответчика покрыть понесенные необоснованным предъявлением искового заявления расходы за счет истца в полном объеме, поскольку категория «разумные пределы» является оценочной и подлежит смысловому наполнению в каждом конкретном случае с учетом обстоятельств дела и субъективных представлений судьи.

Помимо материальных потерь, ответчик в результате предъявления к нему необоснованного искового заявления рискует столкнуться с репутационными рисками: зачастую сам факт возбуждения судебного процесса может являться потенциальным негативным фактором и причинить вред деловой репутации, особенно при распространении сведений о предъявлении иска в средствах массовой информации. Распространение подобной информации также может привести и к потере потенциальных контрагентов, которые предпочтут не вступать в правоотношения с втянутым в судебные тяжбы лицом. Предъявление искового заявления уже на стадии его принятия к производству потенциально может нести в себе негативные последствия как репутационного, так и материального характера в виде упущенной выгоды вследствие срыва заключения сделок из-за «испугавшихся» потенциальных контрагентов.

Например, предъявление необоснованного искового заявления на значительную сумму может стать решающим в пользу того, чтобы отказать ответчику в выдаче кредита, поскольку при проведении проверки потенциального заемщика сам по себе факт гипотетического удовлетворения заявленных требований может оттолкнуть любого осторожного кредитора от вступления с таким контрагентом в возмездные отношения под угрозой неисполнения обязательств, возможной процедуры банкротства и т.д. При этом

убедить потенциального контрагента в том, что заявленные исковые заявления не имеют под собой реальных оснований и ни при каких обстоятельствах не могут быть удовлетворены, может быть очень затруднительно.

Проблема возможности предъявления необоснованного искового заявления усугубляется также отсутствием у суда превентивной возможности пресечь необоснованные исковые заявления на этапе их принятия к производству. Процессуальное законодательство не позволяет судье вернуть, на его взгляд, необоснованное исковое заявление, которое отвечает всем формальным требованиям, необходимым для его принятия к производству. В требованиях, предъявляемых к исковому заявлению, обозначена необходимость указать, в чем заключается нарушение либо угроза нарушения прав, свобод или законных интересов истца и его требования (п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ), несоблюдение которой позволяет судье оставить такой иск без движения. Однако недобросовестному истцу, предъявляющему необоснованный иск, для устранения недостатков не составит труда указать несуществующие обстоятельства нарушения или угрозы нарушения его прав для соблюдения такой формальности. Следовательно, если судья при принятии искового заявления осознает его заведомую злонамеренность и/или необоснованность, законодательство не позволяет ему не принимать такой иск. Представляется, что подобное регулирование продиктовано соблюдением конституционного права истца на судебную защиту, которое более значимо, нежели соображения процессуальной экономии или предотвращения возможных убытков на стороне ответчика. Кроме того, возвращение искового заявления, которое суд посчитал необоснованным, по сути закрывает истцу путь в судебное разбирательство, что лишает его возможности дать собственные объяснения, представить доказательства и т.п., что также является аргументом в пользу принятия заявления судом.

Наконец, необоснованность и/или злонамеренность – категории оценочные и субъективные, и их содержание во многом зависит от личных мировоззрений судьи, что также не может быть достаточной причиной для

ограничения права на судебную защиту. Думается, что возможность для пресечения подобных исковых заявлений на этапе принятия требует высокого авторитета судебной власти, в остальных случаях в целях обеспечения права на судебную защиту вывод о злонамеренности или необоснованности требования истца может быть сделан после рассмотрения дела, то есть в окончательном судебном акте.

В отличие от отечественного правопорядка концепция защиты от предъявления необоснованных исков обстоятельно проработана в праве Великобритании, в которой доктрина злонамеренного процессуального поведения (*malicious prosecution*) является частью общего права. Согласно данной доктрине, первоначально потерпевший мог возместить вред в результате злонамеренного уголовного преследования против него, однако в 2016 году Верховный суд Великобритании решением по делу *Willers v. Joyce and another (Re: Gubay (deceased))* распространил ее действие на гражданские иски. В приведенном деле Верховный суд установил, что иск о злонамеренном судебном преследовании может быть предъявлен по результатам гражданского судопроизводства, и нет разумного основания для принятия того, что существует ответственность за злонамеренное обвинение в преступлении, но не за гражданский иск, отметив, что *«...инстинктивно кажется несправедливым, что лицо пострадало от злонамеренного судебного разбирательства, для которого не было разумных оснований, и при этом не имеет права на компенсацию»*⁵.

Иными словами, по мнению судей Верховного суда Великобритании, ситуация, при которой привлеченный к делу ответчик лишен права получить компенсацию за злонамеренное привлечение его к судебному спору, является несправедливой, что в целом согласуется с генеральной идеей того, что любой причиненный вред должен быть возмещен.

⁵ Платонова Н.В. Возмещение вреда, причиненного предъявлением необоснованного иска: к вопросу о материально-правовом значении процессуального поведения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6. С. 100.

Отечественное процессуальное законодательство не содержит прямых норм, которые бы прямо запрещали злоупотребление процессуальными правами: в ст. 35 ГПК РФ и ст. 41 АПК РФ содержится указание на то, что стороны должны пользоваться такими правами добросовестно, однако прямого запрета, подобного содержанию ст. 10 ГК РФ, которая прямо запрещает осуществление материальных гражданских прав во вред другому лицу, в законе не указано.

Представляется, что предъявление искового заявления с целью причинения вреда ответчику должно квалифицироваться как процессуальный деликт, ответственность за совершение которого наступает по правилам ст. 1064 ГК РФ, в которой закреплен общий принцип «генерального деликта». Существенным признаком ответственности за причинение вреда является вина причинителя вреда, значит, при рассмотрении подобных споров необходимо установить, что при подаче искового заявления недобросовестный истец действовал злонамеренно, и его единственной целью было не восстановление нарушенных прав посредством судебной защиты, а именно попытка навредить ответчику путем привлечения его в судебное разбирательство из-за ненависти, мести, жадности или иных негативных субъективных критериев. При этом вина самого истца, в отличие от общего правила, презюмироваться не должна.

Возможно ли возложение ответственности за причинение необоснованного искового заявления, если истец при его подаче не понимал его заведомой необоснованности и неумышленно причинил ответчику вред в результате «втягивания» его в судебное разбирательство? Ответ на такой вопрос должен быть отрицательным, поскольку ответственность за необоснованное предъявление иска должна наступать только при наличии прямого умысла на причинение вреда ответчику и при заведомом осознании необоснованности предъявленного искового заявления. К примеру, ответственность должна исключаться, если истец (в силу причин собственной неосведомленности или юридической неграмотности) предъявил необоснованное исковое заявление, ошибочно посчитав свои права

нарушенными по вине ответчика, однако суд отказал в таком иске, признав отсутствие оснований к его удовлетворению. В такой ситуации главный критерий наступления ответственности – намерение причинить вред ответчику – отсутствует, следовательно, истца нельзя обвинить в злонамеренности.

В этой связи Н.В. Платонова справедливо отмечает, что установление ответственности за любой необоснованный иск было бы таким радикальным решением, что поставило бы под сомнение само право на доступ к суду, поскольку для лиц, чьи права предположительно нарушены, риск претерпеть негативные последствия проигрыша дела во многих случаях перевешивал бы возможный положительный эффект от победы. Обращаться к суду тогда следовало бы не за разрешением возникшего спора, а лишь за понуждением ответчика к исполнению при наличии абсолютно подтвержденных прав истца⁶. Вероятно, что таких обстоятельствах уместно использовать по аналогии логику применения правил ст. 10 ГК РФ, а именно устанавливая прямую цель использования процессуальных прав с намерением причинить вред другому лицу.

Здесь же важно оговориться, что ответственность за причинение вреда вследствие предъявления необоснованного искового заявления должна наступать лишь в случае отказа в удовлетворении таких требований, то есть констатации отсутствия нарушенных прав истца. Учитывая формальный и состязательный характер гражданского процесса, а также принципа свободной оценки доказательств, любое, на первый взгляд, необоснованное требование может быть удовлетворено.

Здесь же необходимо поставить следующий вопрос: с помощью каких приблизительных критериев в принципе возможно установление «злонамеренного» характера поведения истца? Так, при умелом оперировании нормами материального права возможно успешно «замаскировать» свои истинные недобросовестные мотивы, выставив ответчика действительным

⁶ Ibid. С. 102

нарушителем, вследствие чего ответчику может быть затруднительно вывести такого истца «на чистую воду».

Само по себе судебное разбирательство, предполагающее представление доказательств от каждой из сторон, способствует разоблачению мотивов истца: ответчик вправе дать пояснения и представить доказательства в подтверждение того, что действительных оснований для предъявления такого иска нет, и возбужденный спор является фиктивным. С другой стороны, о необоснованности иска может свидетельствовать само процессуальное поведение истца, которое может быть пассивным: такой истец может уклоняться от исполнения собственного бремени доказывания, всячески затягивать судебное разбирательство, используя имеющиеся процессуальные возможности. Распространенный пример предъявления необоснованного искового заявления – возбуждение спора для приостановления другого дела. Представим, что недобросовестный истец заявляет требование о признании сделки недействительной специально для приостановления дела о взыскании задолженности по такой сделке, в котором он является ответчиком (должником). Несмотря на существование убедительной судебной практики в пользу отсутствия в данном случае оснований для приостановления производства по делу/исполнения судебного акта (п.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств»), подобное поведение истца в отсутствие оснований для недействительности сделки является явно недобросовестным и направлено исключительно на причинение вреда кредитору по такой сделке. Представляется, что при отказе в удовлетворении подобных исковых требований суду, помимо констатации отсутствия правовых оснований для удовлетворения иска, надлежит отдельно оговориться о наличии признаков злоупотребления правом на судебную защиту с целью причинения вреда процессуальному оппоненту, что в последующем станет одним из

оснований для взыскания убытков за несправедливое вовлечение в разбирательство.

Следовательно, основным индикатором злонамеренности исковых требований служит поведение такого истца, что может быть подтверждено при представлении ответчиком доказательств такой злонамеренности, путем заявления как о юридической несостоятельности требования (отсутствие минимальных правовых оснований для удовлетворения иска), так и о фактических обстоятельствах, подтверждающих цель причинения вреда путем предъявления иска.

Как уже было сказано выше, правовым обоснованием иска о возмещении вреда вследствие предъявления необоснованного искового заявления могут являться нормы ГК РФ о злоупотреблении правом и об обязательствах вследствие причинения вреда. При первом приближении может встать вопрос о корректности применения норм гражданского материального права к правоотношениям, которые возникли из юридического факта процессуального характера. Так, в английской судебной практике существует позиция, согласно которой любые отношения, так или иначе связанные с реализацией процессуальных прав, должны регулироваться исключительно соответствующим законодательством. В деле *Jain v. Trent Strategic Health Authority* сделан следующий вывод: «...защита сторон судебного процесса от ущерба, причиненного им судебным разбирательством или действием, совершенным в ходе процесса, должна осуществляться только путем контроля над судебным разбирательством уполномоченными на то лицами, в соответствии с правилами и процедурами, регулирующими судебный процесс»⁷.

Иными словами, предложенный английским судом тезис объясняется разделением материальных отношений (то есть правоотношений без участия суда) и отношений процессуальных, возникших в судебном процессе, каждая из которых должны регулироваться своим законодательством. В российской

⁷⁷ Ibid. С. 113

доктрине Д.Б. Абушенко полагает недопустимой возможность смешения материального и процессуального, указывая, что *«даже малейшие вкрапления в процессуальную материю, так или иначе изменяющие действие материального права, должны быть недопустимы»*⁸.

Если придерживаться российского законодательства (за исключением, которое будет описано далее), то возместить убытки, причинённые злонамеренным иском заявлением, не представляется возможным – в процессуальных кодексах такой возможности не предусмотрено. Наиболее приближенный к данной проблеме механизм – это возмещение судебных расходов, однако, как уже было отмечено выше, судебные расходы возмещают потери, связанные непосредственно с затратами на ведение процесса, не учитывая, например, репутационные убытки. Принимая во внимание отсутствие прямого регулирования, какие могут быть веские политико-правовые причины не допустить применения правил гражданского материального права на отношения, связанные с возмещением вреда вследствие предъявления необоснованного искового заявления? Представляется, что такие причины отсутствуют, поэтому следует признать возможность использования положений ст. ст. 10, 1064 ГК РФ.

Так, не вызывает сомнений, что принцип недопущения злоупотребления правом является общеправовым принципом, и отсутствие на его указание в конкретном законе не отменяет его действия во всей системе права, а закрепленный в ст. 1064 ГК РФ принцип «генерального деликта» позволяет возместить любой причиненный потерпевшему вред. По мнению автора, принципиальное недопущение смешения материального и процессуального в таком контексте не отвечает требованиям разумности и справедливости, поскольку за неимением специального регулирования лишает ответчика права возместить полученный от вовлечения в фиктивный судебный процесс вред, что не может признаваться допустимым.

⁸ Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: Монография. Тверь, 2013. С. 41.

Упомянутым исключением является статья 99 ГПК РФ: «Со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени. Размер компенсации определяется судом в разумных пределах и с учетом конкретных обстоятельств».

Смысл приведенной статьи, расположенной в главе о судебных расходах, сводится к возможности взыскания компенсации за потерю времени со стороны, заявившей неосновательный иск или систематической противодействовавшей правильному разрешению дела.

Как указывает Конституционный суд РФ в Определении от 27.12.2022 № 3378-О, данная статья направлена на предупреждение злоупотребления лицами, участвующими в деле, своими процессуальными правами и тем самым – на защиту прав добросовестных участников процесса. Примечательно, что возможность взыскания расходов за фактическую потерю времени предусмотрена только в гражданском процессуальном кодексе: АПК РФ аналогичного положения не предусматривает, а суды отказывают в применении положений ст. 99 ГПК РФ в арбитражном процессе по аналогии (см., напр., Определение Верховного Суда РФ от 09.03.2023 по делу № А32-7503/2021). При этом АПК РФ предусматривает возможность взыскания судебных расходов за злоупотребление процессуальными правами (ч.2 ст. 111 АПК РФ), однако в контексте настоящей работы больший интерес представляет ст. 99 ГПК РФ.

К сожалению, формулировка обсуждаемой статьи является, на взгляд автора, неудачной и не оговаривает даже примерных ориентиров ее применения. Остается неясным, что законодатель имел ввиду под «фактической потерей времени». Предполагалось, что ответчик в любом случае имеет право на компенсацию, если иск оказался необоснованным, и он впустую потратил время на участие в судебном процессе, или ответчик обязан доказать, что он

отвлекался на судебный процесс по необоснованному иску в ущерб, например, своей основной трудовой деятельности? Вопросы на эти вопросы остаются без ответа.

Не удалось обнаружить положительных решений, связанных с удовлетворением требований по ст. 99 ГПК РФ, в связи с чем можно сделать вывод, что статья фактически судами не применяется, и все требования, связанные с компенсацией за фактическую потерю времени, вследствие предъявления необоснованного иска, судами общей юрисдикции отклоняются. Главная причина отказа в удовлетворении таких требований заключается в невыполнении бремени доказывания. Уместно привести вывод одного из кассационных судов, который в той или иной форме повторяется во всех судебных актах, связанных с применением ст. 99 ГПК РФ: *«Возможность взыскания компенсации за потерянное время предусмотрена лишь в тех случаях, когда в судебном заседании будет доказано, что сторона систематически злоупотребляла процессуальными правами, противодействовала правильному и быстрому рассмотрению и разрешению спора, при этом действовала виновно, заблуждение стороны относительно необоснованности предъявленного иска не могут служить основанием для взыскания установленных статьей 99 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации издержек»*. Впрочем, доказательств злоупотребления истцом своими процессуальными правами при подаче искового заявления в выводах судов не обнаружено, поэтому приведенный текст достаточно наглядно демонстрирует практику применения (точнее, ее отсутствие) ст. 99 ГПК РФ.

Представляется, что предусмотренная процессуальным законодательством компенсация за необоснованное предъявление искового заявления в отрыве от практики ее применения является заслуживающим поддержки решением законодателя. Однако отсутствие каких-либо вразумительных разъяснений со стороны ВС РФ и КС РФ о смысле закрепленного института и пределах его применения вкупе с удобной для судов

позицией об отказе в удовлетворении по причине «недостаточных доказательств» привело к тому, что при своем потенциале положения ст. 99 ГПК РФ фактически не применяются.

Вместе с тем более удачная формулировка в тексте закона и положительная судебная практика на уровне Верховного Суда РФ смогли бы в значительной степени снять часть вопросов, которые рассматривались в этом параграфе. Думается, что если закон имел ввиду не только компенсацию за туманную «фактическую потерю времени», а подразумевал бы безусловную компенсацию за необоснованное предъявление искового заявления, практика могла бы пойти по другому пути, то есть допустить возмещение вреда за такое процессуальное действие, как подача злонамеренного иска с целью причинения вреда ответчику. В любом случае указанная статья могла бы стать отправной точкой развития концепции защиты от предъявления необоснованных исков без необходимости применения положений материального законодательства по аналогии.

В завершение обсуждаемой проблематики необходимо отметить, что проблема наступления ответственности за предъявление искового заявления носит конституционный характер, в связи с чем, в том числе, связано столь осторожное развитие такого института в отечественном праве. Говоря об ответственности за правомерное поведение, которым и является факт предъявления иска в суд, необходимо понимать, что на другой чаше воображаемых правовых ценностей находится конституционное право на судебную защиту, без которого ни одно из прав не имело бы самобытного значения.

Наказывая истца за предъявление искового заявления, закон в любом случае ставит под сомнение его право на судебную защиту, устанавливая тем самым пределы осуществления этого права. Получается, что с одной стороны есть право на судебную защиту, с другой – ответчик, который односторонним действием оказывается втянутым в судебную тяжбу с множеством сопутствующих негативных последствий как репутационного, так и

материального характера. Неудивительно, что правопорядок склонен отдавать предпочтение праву на судебную защиту, но при этом игнорировать пострадавшие интересы ответчика также нельзя, в связи с чем в практике необходимо осознание того, что использование права на судебную защиту не может быть произвольным, и что истец, предъявляя исковое заявление, должен понимать, что риски быть привлеченным к ответственности ненулевые, и в случае предъявления злонамеренного требования он может быть принужден к выплате убытков.

Учитывая, что речь все-таки идет о пределах осуществления конституционного права на судебную защиту, необходимо установить четкие и недвусмысленные критерии привлечения к такой ответственности, главным из которых должен быть критерий субъективной стороны такого истца: ответчик в деле о взыскании убытков обязан доказать, что истец при подаче иска действовал исключительно с целью причинения вреда, заведомо осознавая юридическую необоснованность своих требований, имел прямой умысел на причинение ответчику вреда, при этом вина в таких спорах презюмироваться не должна. Установив наличие в действиях истца признаков злонамеренности, а также цель причинения ответчику вреда путем втягивания его в судебное разбирательство, можно говорить о неправомерном злоупотреблении правом на судебную защиту, за которое должна наступать ответственность. В противном случае, при невыполнении бремени доказывания указанных обстоятельств необходимо признать, что истец не может быть привлечен к ответственности, и правомерность его действий при подаче искового заявления предполагалась.

§ 2. Предъявление искового заявления как способ прекращения гражданско-правовых отношений

Предъявление искового заявления может влечь вполне определенные материально-правовые последствия в форме прекращения гражданско-правовых отношений, а именно к отказу от договора. К таким выводам пришла

коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 30.05.2017 по делу № А56-76383/2015.

Краткая фабула рассмотренного ВС РФ дела такова: покупатель обратился в суд с иском о возврате аванса за непереданный продавцом товар в установленные договором сроки. Иск покупателя о возврате аванса был удовлетворен. Впоследствии покупатель обратился с новым требованием о взыскании неустойки за нарушение срока поставки товара. Суд первой инстанции иск отклонил, указав, что с даты предъявления требования о возврате аванса по договору взыскание неустойки за нарушение срока поставки товара является необоснованным. Тем не менее, суд апелляционной инстанции, которого поддержал арбитражный суд округа, с таким подходом не согласился и удовлетворил иск о взыскании неустойки.

Верховный Суд отдал предпочтение решению суда первой инстанции.

Логика суда первой инстанции, поддержанная коллегией по экономическим спорам, заключалась в следующем. Согласно п. 3 ст. 487 ГК РФ в случае, когда продавец, получивший сумму предварительной оплаты, не исполняет обязанность по передаче товара в установленный срок, покупатель вправе потребовать передачи оплаченного товара или возврата суммы предварительной оплаты за товар, не переданный продавцом. Иными словами, у покупателя в случае неисполнения обязанности продавца передать товар существует два альтернативных способа защиты: требовать передачи оплаченного товара или требовать возврата аванса. Отказывая в иске, суд первой инстанции указал, что с момента предъявления требования о возврате предварительной оплаты по договору взыскание пени за нарушение срока поставки товара невозможно, с чем и согласилась коллегия Верховного Суда.

Процитируем позицию ВС РФ дословно: *«С момента реализации права требования на возврат суммы предварительной оплаты обязательство по передаче товара трансформируется в денежное обязательство, которое не предполагает возникновение у продавца ответственности за нарушение срока передачи товара в виде договорной неустойки...Предъявляя Заводу требование*

о возврате ранее перечисленной предварительной оплаты, Концерн выразил свою волю, которую следует расценивать как отказ стороны, фактически утратившей интерес в получении причитающегося ей товара, от исполнения договора, что влечет за собой установленные законом правовые последствия – его расторжение».

Таким образом, ВС РФ в данном случае отождествляет предъявление искового заявления о возврате аванса и односторонний отказ от договора, что влечет его расторжение. Особый интерес представляет вывод Верховного Суда о моменте прекращения такого договора: договор прекращает свое действие с момента предъявления искового заявления. Следовательно, логика в том, что покупатель путем предъявления иска о взыскании суммы аванса демонстрирует отсутствие интереса в дальнейшем сохранении договора, так как, в свою очередь, требование о возврате аванса свидетельствует об отсутствии заинтересованности в получении встречного предоставления в обмен на предварительную оплату. В конечном итоге, перед нами пример, как предъявление искового заявления прекращает действие гражданско-правового договора.

Известно, что отказ от договора является односторонней сделкой (п.50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Сделка предполагает изъявление воли, совершенное в определенной форме. При этом, как уже отмечалось выше, при предъявлении искового заявления цель лица обычно состоит в возбуждении спора о праве и получении судебной защиты. Однако логика Верховного Суда в рассматриваемом случае в том, что предъявление иска подразумевает односторонний отказ от договора (его расторжение), а воля

истца прекратить действие договора конклюдентно «вшита» в такое процессуальное действие как предъявление иска⁹.

Примечательно, что в последующем ВС РФ уточнил, что договор может считаться расторгнутым не только с момента предъявления искового заявления, но и с момента предъявления претензии о возврате предварительной оплаты (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.05.2018 по делу № А60-59043/2016).

§ 3. Материально-правовые последствия, вызванные принятием обеспечительных мер

В контексте рассматриваемой темы материального значения процессуального поведения интересен известный российскому праву институт взыскания убытков в связи с обеспечением иска.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 98 АПК РФ ответчик и другие лица, чьи права и (или) законные интересы нарушены обеспечением иска, после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска вправе требовать от лица, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры, возмещения убытков в порядке и в размере, которые предусмотрены гражданским законодательством, или выплаты компенсации.

Схожее содержание предусмотрено и в гражданском процессуальном законе, а именно в ст. 146 ГПК РФ, согласно которой судья или суд, допуская обеспечение иска, может потребовать от истца предоставления обеспечения возможных для ответчика убытков. Ответчик после вступления в законную силу решения суда, которым в иске отказано, вправе предъявить к истцу иск о возмещении убытков, причиненных ему мерами по обеспечению иска, принятыми по просьбе истца.

⁹ Платонова Н. В. К вопросу о материально-правовом значении процессуального поведения (комментарий к Определению Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2017 г. по делу № 307-ЭС17-1144 // Арбитражный и гражданский процесс.2018. № 4. С. 37.

Перед нами пример прямо предусмотренной в законе возможности взыскания убытков (компенсации), вызванных отрицательными последствиями мер по обеспечению иска, принятых по заявлению истца.

Обеспечительные меры в судопроизводстве представляют собой совокупность срочных и временных мер, которые могут применяться судом по заявлению лиц, участвующих в деле, если существует предположение, что исполнение вынесенного по делу решения станет впоследствии затруднительным или невозможным¹⁰. К таким мерам закон относит арест имущества, запрет определенных действий относительно предмета спора, приостановление взыскания по исполнительному документу и т.д.

Правом на заявление обеспечительных мер обладают лица, участвующие в деле (а также иные лица, например, сторона третейского разбирательства, заявившее о принятии таких мер в арбитражный суд). Но, как правило, обеспечительные меры заявляются самим истцом, поскольку он как никто другой заинтересован в гарантированном восстановлении собственного права. Принятие судом обеспечительных мер носит серьезные и ощутимые для ответчика экономические последствия, поскольку уже на этапе принятия искового заявления к производству может существенно обременить имущество ответчика или обязать совершить нежелательные действия в целях гарантированного исполнения судебного решения.

Несмотря на то, что обеспечительные меры носят временный характер, их действие может быть достаточно продолжительным (вплоть до вступления судебного акта по делу в законную силу), что может причинить ответчику немалые трудности уже в процессе рассмотрения дела. Так, в одном из дел, рассмотренном судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2021 по делу № А42-7993/2019), налогоплательщику удалось взыскать с налоговой инспекции компенсацию за

¹⁰ Дьячук М. Обеспечительные меры в арбитражном процессе: на что обратить внимание // Юридический справочник руководителя. 2022. № 10. С. 36.

отсутствие возможности пользоваться и распоряжаться значительной денежной суммой в течение 17 месяцев, что повлекло финансовые потери в виде упущенной выгоды.

Следовательно, учитывая серьезные последствия, связанные с принятием обеспечительных мер, процессуальное законодательство вводит возможность взыскания убытков за их пагубное действие. Тем самым закон ориентирует истцов заявлять обеспечительные меры более обдуманно и избирательно, обосновывать необходимость их принятия, приводить достаточные доказательства и доводы, свидетельствующие о невозможности или затруднительности исполнения судебного акта. В связи с этим уместно отметить, что институт взыскания убытков (компенсации) вследствие принятия обеспечительных мер является частным проявлением принципа состязательности, согласно которому лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий (ч. 2 ст. 9 АПК РФ)¹¹.

Арбитражный процессуальный кодекс указывает (ч. 1 ст. 98 АПК РФ), что такие убытки возмещаются по правилам гражданского законодательства (по правилам ст. 1064 ГК РФ), то есть такая ситуация расценивается АПК РФ в качестве деликтного обязательства. Норма ГПК РФ напрямую не отсылает к нормам Гражданского кодекса, однако также использует понятие убытков, которое является гражданско-правовым, поэтому логика нормативного регулирования взыскания должна быть идентичной.

Вместе с тем здесь же следует сделать ряд важных оговорок. Известно, что по общему правилу применение такой меры ответственности, как взыскание убытков возможно лишь при наличии и доказанности следующих условий: совершение противоправных действий или бездействия, возникновение убытков, причинно-следственная связь между противоправным поведением и возникшими убытками, подтверждение размера убытков. Однако

¹¹ Тай Ю.В., Будылин С.Л. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 99.

судебной практикой коллегии по экономическим спорам Верховного Суда выраженной в Определении от 06.05.2015 по делу № А53-1835/2015 (дело банка «Зенит»), а также в Определении от 14.09.2015 по делу № А56-17785/2014 (дело «ЮниКредитБанк»), сформулирован иной, отличный от классического варианта взыскания убытков, предмет доказывания.

Верховный Суд, не соглашаясь с мнением нижестоящих инстанций, указал, что *«в предмет доказывания по иску о возмещении убытков, причиненных в связи с обеспечением иска, не входит установление виновности иницировавшего принятие обеспечительных мер лица, поскольку право на возмещение соответствующих убытков основано на положениях пункта 3 статьи 1064 ГК РФ возникает в силу прямого указания закона»*.

По мнению судебной коллегии, *«при выборе такого способа защиты как взыскание компенсации отсутствует необходимость строгого доказывания размера понесенных убытков по правилам статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, однако закрепленные в статье 98 АПК РФ критерии определения размера присуждаемой компенсации, касающиеся характера ограничения (нарушения) имущественной сферы потерпевшего обеспечением иска и учета принципов разумности и справедливости, предполагают обоснование потерпевшим негативных последствий, наступивших от обеспечительных мер, доказывание им причинно-следственной связи между негативными последствиями на стороне потерпевшего и обеспечением иска»*.

Таким образом, при определении предмета доказывания убытков (компенсации), вызванных принятием обеспечительных мер, следует учитывать, что подача истцом заявления о принятии обеспечительных мер, будучи закрепленным в процессуальном законе правом, является правомерным действием, из чего следует, что противоправность и вина не входят в предмет доказывания по таким спорам. Истцу по такому требованию необходимо обосновать только негативные последствия, вызванные принятием

обеспечительных мер, а также причинно-следственную связь. По сути, Верховный Суд обоснованно исправил позицию нижестоящих судов, отказавших в удовлетворении иска, согласно которой само по себе обращение с ходатайствами о принятии обеспечительных мер не может рассматриваться как противоправное поведение, даже если впоследствии иск был признан необоснованным. Позиция ВС РФ представляется правильной, поскольку заявление о принятии обеспечительных мер является процессуальным правом, и его реализация в любом случае не может быть признана неправомерным поведением. В конце концов, обеспечительные меры принимаются именем суда, действия которого вряд ли можно оценивать как незаконные.

В противном случае, если следовать логике нижестоящих судов, взыскание убытков за подобные действия невозможно ни при каких обстоятельствах, поскольку обращение с заявлением о принятии обеспечительных мер правомерно всегда, и судебная коллегия по экономическим спорам верно отметила, что убытки в таком случае взыскиваются за правомерные действия, последствия которых, тем не менее, привели к имущественным потерям.

В практике нередко встречаются случаи не только необоснованного, но и злонамеренного заявления обеспечительных мер истцами, цель которых состоит исключительно в использовании института обеспечительных мер для причинения ответчику вреда. Исковые требования, которые заявляются в таких случаях, в меньшей степени можно считать необоснованными (обоснованность или необоснованность устанавливается в процессе рассмотрения дела), скорее недобросовестными, которые заведомо для истца не подлежат удовлетворению и заявлены исключительно в надежде принятия самих обеспечительных мер. Истец при всей внешней правомерности его требований стремится причинить ответчику вред, используя суд как легальное создание оснований для введения материально-правовых ограничений, после затягивает рассмотрение дела по существу как можно дольше, для сохранения действия введенных мерами ограничений в своих интересах.

Подобного рода «иски ради мер» распространены, в частности, в корпоративных конфликтах, когда его стороны пытаются всевозможными способами причинить вред своим оппонентам руками суда, например, запретить голосовать на предстоящем заседании совета директоров или собрания участников по определенным вопросам, запретить регистрацию перехода права собственности на имущество общества, выбывшего из его владения якобы без получения надлежащего корпоративного одобрения, наложить арест на акции (долю в уставном капитале) либо иным образом парализовать материально-правовые возможности ответчика.

Примечательным в данном контексте (и в рамках рассматриваемой темы в целом) является дело акционерного общества «СМАРТС», рассмотренного Высшим Арбитражным Судом (Постановление Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 по делу № А56-44387/2006). Так, деле заявитель-акционер ссылался на причинение ему убытков в результате действия обеспечительных мер, которые были наложены по ряду параллельных судебных разбирательств. Принятые судом обеспечительные меры включали в себя арест именных бездокументарных акций общества «СМАРТС», запрет регистрации дополнительных акций, запрет принимать решения о государственной регистрации и осуществлять государственную регистрацию изменений в учредительных документах общества, запрет акционерам принимать решения об изменении акционерного капитала общества и т.д. В совокупности обеспечительные меры, фактически парализовавшие корпоративные права акционеров, действовали на протяжении двух с половиной лет. По всем исковым требованиям, в обеспечение которых были приняты перечисленные обеспечительные меры, было отказано, что стало основанием для обращения в суд с иском о взыскании убытков в порядке ст. 98 АПК РФ.

Арбитражные суды в удовлетворении исковых требований отказали, с чем не согласился Высший Арбитражный Суд, указав, что судами не было дано надлежащей правовой оценки доводам истца о существенной упущенной выгоде, вызванной продолжительным действием обеспечительных мер,

обстоятельствам корпоративного конфликта, в связи с чем дело было направлено на новое рассмотрение. В частности, ВАС РФ призвал оценить действия истца, по заявлению которого был принят комплекс обеспечительных мер, на предмет злоупотребления своими процессуальными правами. При новом рассмотрении исковые требования были удовлетворены: с ответчика взыскано более 2,5 млрд. рублей убытков за причинение вреда.

ВАС РФ указал, что *«полный отказ в иске нарушает конституционный принцип справедливости и лишает заявителя возможности восстановления его нарушенных прав. Объективная сложность доказывания убытков и их размера, равно как и причинно-следственной связи между причиненными убытками и принятыми обеспечительными мерами, по делам, связанным с лишением или ограничением корпоративного контроля, не должна снижать уровень правовой защищенности участников корпоративных отношений при необоснованном посягательстве на их права»*. Такой вывод следует признать правильным.

В этом же Постановлении ВАС РФ впервые сделал важный для применения ст. 98 АПК РФ вывод о том, что *«отказ в иске о взыскании убытков, возникших по причине принятия обеспечительных мер по необоснованным требованиям, также означал бы отсутствие необходимого превентивного воздействия на субъектов, которые заявляют необоснованные требования, испрашивая по ним обеспечительные меры. Между тем правопорядок не должен содействовать как предъявлению необоснованных требований, так и освобождению от ответственности лиц, заявивших такие требования»*. Говоря о превентивном воздействии, Высший Арбитражный Суд таким образом подчеркивает ошибочность логики нижестоящих судов, которые ставят заявляющих ходатайства о наложении обеспечительных мер лиц в безнаказанное положение, заставляя таковых думать, что ответственность за необоснованные меры в любом случае не наступит. В этом отношении такой вывод следует поддержать, ибо обеспечительные меры, как уже отмечалось, могут нести серьезные негативные последствия для ответчика в течение

неопределенного количества времени, поэтому запрашивание обеспечительных мер должно быть обоснованным. Аналогичная цитата содержится и в поздней практики Верховного Суда (в деле «ЮниКредитБанк»), что подчеркивает актуальность и важность установленных ВАС РФ стандартов толкования и применения правил о возмещении вреда вследствие принятия обеспечительных мер.

Необходимо отметить, что судебная практика последующих лет в целом позитивно восприняла сформулированную ВАС РФ позицию об отсутствии необходимости доказывания вины лица, по заявлению которого были приняты обеспечительные меры. Так, в проанализированных актах арбитражных судов кассационных инстанций¹² суды поддерживают позицию об усеченном предмете доказывания убытков в порядке ст. 98 АПК РФ, указывая, что потерпевший обязан доказать наступление негативных последствий, наступивших от обеспечительных мер, а также причинно-следственную связь между негативными последствиями на стороне потерпевшего и обеспечением иска. В определенных случаях суды кассационной инстанции исправляют ошибочные выводы нижестоящих судов, которые вопреки установленному подходу применяют общий предмет доказывания убытков и требуют доказательств противоправности и вины (см., напр., Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.04.2017 по делу № А27-9956/2016), и такое развитие практики следует поддержать.

После установления специального предмета доказывания в 2011-2015 гг. по искам о взыскании убытков вследствие принятия обеспечительных мер такие иски стали удовлетворяться арбитражными судами, однако доля положительных решений сравнительно невелика (около 8%), что, впрочем, не связано с неверным подходом судов к определению бремени доказывания –

¹² См., напр., Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 октября 2017 г. по делу № А41-737/2017, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 ноября 2019 г. по делу № А27-5850/2019, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.03.2021 г. по делу № А51-23168/2019, Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 октября 2020 г. по делу № А19-23884/2019 и др. // СПС «КонсультантПлюс»

истцы не справляются с установлением тех фактов, которые были обозначены практикой Высшего Арбитражного Суда.

Специальный предмет доказывания для убытков вследствие принятия обеспечительных мер воспринимается и судами общей юрисдикции. Так, например, один из кассационных судов¹³ исправил ошибку нижестоящего суда и справедливо указал, что в предмет доказывания по иску о возмещении убытков, причиненных в связи с обеспечением иска, не входит установление виновности инициировавшего принятие обеспечительных мер лица, поскольку право на возмещение соответствующих убытков основано на положениях пункта 3 статьи 1064 Гражданского кодекса РФ и возникает в силу прямого указания закона (статьи 146 ГПК РФ).

Вместе с тем заслуживают внимания и негативные примеры применения стандартов доказывания при взыскании подобного рода убытков. Дело, совсем недавно рассмотренное Третьим кассационным судом общей юрисдикции (Определение от 19.12.2022 по делу № 88-22379/2022) представляет интерес не только в контексте взыскания убытков за наложение обеспечительных мер, но и всей работы в целом. Так, в споре о взыскании упущенной выгоды в порядке ст. 146 ГПК РФ, суд первой инстанции, удовлетворяя иск, указал, что *«действия итца по обращению в Петроградский районный суд Санкт-Петербурга с исковым заявлением о взыскании долга, включая заявленное ходатайство о принятии обеспечительных мер, с учетом фальсификации представленных суду доказательств, не могут расцениваться как добросовестное заблуждение относительно предполагаемого права»*. Однако Санкт-Петербургский городской суд, которого и поддержала кассационная инстанция, с выводом о наличии оснований для взыскания убытков не согласился и отметил следующее (для большего понимания аргументации суда приведем мотивировочную часть):

¹³ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2020 по делу № 88-4581/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

«...Также судебная коллегия не может согласиться с выводом суда о том, что действия М. по обращению в Петроградский районный суд Санкт-Петербурга с исковым заявлением о взыскании долга, включая заявленное ходатайство о принятии обеспечительных мер, с учетом фальсификации представленных суду доказательств не могут расцениваться как добросовестное заблуждение относительно предполагаемого права, а свидетельствует о нарушении требований п. 1 ст. 10 ГК РФ...

Исходя из смысла приведенных выше правовых норм и разъяснений под злоупотреблением правом понимается поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему права, сопряженное с нарушением установленных в статье 10 ГК РФ пределов осуществления гражданских прав, осуществляемое с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающее при этом права и законные интересы других лиц и причиняющее им вред или создающее для этого условия.

Под злоупотреблением субъективным правом следует понимать любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права.

По своей правовой природе злоупотребление правом - это всегда нарушение требований закона.

В силу ст. 56 ГПК РФ на лицо, требующее возмещения убытков, возлагается обязанность доказать вину и факт противоправного поведения ответчика при обращении в суд с заявлением о принятии мер по обеспечению иска.

Истцом не представлены доказательства того, что ходатайство истца об обеспечении иска заведомо было подано с целью причинения вреда (ст. 10 ГК РФ). Сам по себе дальнейший отказ суда в иске, в том числе по мотиву недостоверности представленного истцом договора займа, не может расцениваться как недобросовестное поведение стороны, направленное заведомо на причинение вреда другой стороне.

Учитывая, что мера обеспечения иска была установлена судебным актом, незаконность которого не установлена, не доказаны незаконность действий истца по обращению в суд с заявлением об обеспечении иска, причинно-следственная связь между принятием обеспечения иска и возникновением убытков, оснований для удовлетворения иска судебная коллегия не усматривает».

Приведенные рассуждения Санкт-Петербургского городского суда, законность которых была подтверждена вышестоящим судом, являются ошибочными, поскольку основаны на неверном толковании норм права и игнорируют сформулированный высшими судебными инстанциями подход к доказыванию подобного рода убытков.

Во-первых, суд необоснованно придал юридическое значение обстоятельствам вины и противоправного поведения при доказывании убытков вследствие принятия обеспечительных мер.

Во-вторых, судами неверно отмечен факт того, что определение о принятии обеспечительных мер не было признано незаконным, а также то, что незаконность действий истца по обращению в суд с заявлением об обеспечении иска не была доказана. Иными словами, подобными категориями суд в принципе исключает возможность взыскания убытков в порядке ст. 146 ГПК РФ, поскольку, как уже отмечалось ранее, обращение в суд с заявлением о принятии обеспечительных мер является правомерным поведением, и опровержение правомерности этого поведения, равно как и признания незаконным определения о наложении обеспечительных мер, не входит в предмет доказывания при взыскании таких убытков, поскольку они взыскиваются за правомерные действия (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). Остается выразить надежду, что подобные случаи носят исключительный характер и не влияют на общую положительную тенденцию, отмеченную выше.

Как следует из ч. 1 ст. 98 АПК РФ, ст. 146 ГПК РФ, возможность предъявления иска о взыскании убытков, вызванных обеспечительными мерами, возможно только после вступления в законную силу решения суда,

которым в иске отказано. При этом ч. 4 ст. 98 АПК РФ, действующая с 12 июля 2009 года, расширяет перечень оснований для предъявления такого иска, указывая на отдельные случаи оставления искового заявления без рассмотрения, а также на случаи прекращения производства по делу: тождество споров и отказ от иска.

Из текста ст. 146 ГПК можно сделать вывод, если дело не было разрешено судом по существу, но при этом обеспечительные меры были приняты и действовали какое-то время, ответчик лишается возможности предъявления иска о взыскании убытков, поскольку в иске отказано не было.

Как справедливо указывается Г. Пановым, это позволяет истцам избежать ответственности путем отказа от иска до вынесения решения. Поэтому с целью пресечения подобной практики необходимо, чтобы право требовать возмещения убытков, причиненных обеспечительными мерами, возникало и в случае отказа истца от предъявленного иска, однако ГПК РФ этого сделать не позволяет¹⁴.

Уместно обратить внимание на Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2002 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер», в котором Конституционный Суд, в том числе, давал оценку конституционности нормы предшествующего действующему ГПК о взыскании убытков вследствие признания обеспечительных мер: текст ст. 140 ГПК РСФСР полностью идентичен тексту актуального ГПК РФ, вступившего в силу в 14.11.2002. В п.5 Постановления КС РФ верно обосновывает природу взыскания убытков за принятие обеспечительных мер, указывая, что *«меры по обеспечению иска принимаются еще до разрешения спора по существу и всегда есть риск причинения ответчику убытков в связи с тем, что и сам иск, и меры по его обеспечению могут оказаться необоснованными, поэтому неблагоприятные последствия такого риска суд вправе возложить на самого*

¹⁴ Г. Панов. Обеспечительные меры как инструмент в корпоративных войнах // Корпоративный юрист. 2007. № 3. С. 29.

истца». После Конституционный Суд, руководствуясь принципами состязательности, диспозитивности и равноправия сторон в гражданском судопроизводстве, делает вывод о том, что *«правила ст. 140 ГПК РСФСР должны применяться не только в случаях, когда гражданское дело завершается решением об отказе в иске, но и в случаях прекращения производства по делу, обусловленного волеизъявлением истца, необоснованно предъявившего иск к ответчику».*

По сути, КС РФ расширил содержание нормы ст. 140 ГПК РСФСР, однако дальнейшего принятия этого разъяснения практикой судов общей юрисдикции, к сожалению, не произошло. Спустя несколько месяцев с момента принятия Постановления был принят новый кодекс гражданского процесса, в который статья об ответственности за наложение обеспечительных мер перешла с аналогичным содержанием и сохраняется в той же редакции на сегодняшний день. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в ст. 146 ГПК РФ, как это было обоснованно сделано в АПК РФ, и закрепить в ней возможность взыскания убытков за вред, причиненный обеспечительными мерами, вследствие отказа истца от исковых требований.

Здесь же следует оговориться о гипотетической возможности взыскания убытков не только в случае прекращения производства по делу вследствие отказа истца от иска, но и в случае частичного удовлетворения исковых требований. Мыслимо представить ситуацию, при которой истец предъявил исковые требования, условно, на 100 000 рублей, добился от суда принятия обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства ответчика в пределах всей суммы исковых требований, однако суд признал обоснованными только требования на сумму в 1000 рублей, удовлетворив иск частично. Встает вопрос о том, вправе ли ответчик взыскать с истца убытки за то, что в действительности оснований наложения ареста в пределах 99 000 рублей не было? Напрашивается опосредованная аналогия с правилами о пропорциональном взыскании судебных расходов в случае частичного удовлетворения иска (ст. 97 ГПК РФ, ст. 110 АПК РФ), согласно которым

ответчик вправе взыскать с истца судебные издержки, пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано. Данный вопрос требует отдельной проработки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задача настоящей работы заключалась в том, чтобы на конкретных примерах обосновать тезис: процессуальные действия могут иметь материальное значение.

Наиболее эффективным и прогрессивным образом идея материального значения процессуального поведения может показать себя при взыскании убытков за предъявление искового заявления и заявления о принятии обеспечительных мер, на что и был сделан акцент в настоящей работе. Если последняя имеет нормативное закрепление в процессуальном законодательстве, а судебная практика высших судов выработала критерии применения ответственности за наложение необоснованных обеспечительных мер, то случае же с предъявлением искового заявления ситуация несколько иная.

В связи с этим судебной практике, прежде всего на уровне Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, следует сформировать критерии, по которым лицо, предъявившее необоснованное исковое заявление, должно быть привлечено к ответственности.

Во-первых, должна наличествовать очевидная цель причинения вреда путем использования процессуальных прав – иными словами, необходимо установить злоупотребление процессуальным правом на подачу иска, использование его не по своему назначению, а исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Мотивы и цели в российском праве не являются существенными факторами для привлечения к ответственности, однако представляется, что в случае ответственности за предъявление необоснованного иска они должны приобретать юридическое значение.

Во-вторых, необходимо установление прямого умысла – недобросовестный истец должен заведомо осознавать, что его исковое заявление не имело шансов на то, чтобы суд поддержал его и удовлетворил. Недопустимы ситуации, при которых привлеченный к ответственности за

предъявление необоснованного иска истец заблуждался или ошибался в своих мотивах.

В-третьих, необходимо наступление последствий как репутационного, так и материального характера, вызванных предъявлением необоснованного иска.

Указанные обстоятельства надлежит доказывать ответчику, к которому был предъявлен необоснованный иск. Однако это не означает, что истец должен быть освобожден от дачи пояснений относительно мотивов своего процессуального поведения, добросовестность которого поставлена под вопрос.

К сожалению, рассматриваемая проблематика не находит должного отклика ни в российской доктрине, ни в судебной практике. Удалось обнаружить сравнительно мало исследований (все они приведены в библиографическом списке и упоминаются по ходу работы), посвященных концепции материального значения процессуального поведения; суды не склонны применять ее положения часто и развивать эту доктрину за рамки предписаний закона. Остается надеяться, что идея привлечения к деликтной ответственности на основании предложенных критериев рано или поздно получит свое развитие в науке, суды продолжат развивать принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами и распространят его, в том числе, и на запрет предъявления необоснованных исков, а также станут более уверенно применять потенциально удачные нормы о привлечении к ответственности за наложение необоснованных обеспечительных мер: в настоящий момент решения в пользу пострадавших от обеспечительных мер ответчиков сравнительно редки.

Желательно, чтобы правоприменительная практика творчески подошла к положениям процессуального законодательства и перестала воспринимать их как императивную инструкцию. На примере материального права (права гражданского, отношений в сфере несостоятельности, корпоративного права) можно убедиться в эффективности методов борьбы со злоупотреблениями путем установления негативных последствий за проявление подобного

поведения. В процессуальных отношениях стороны допускают злоупотребления, как минимум, не реже, однако методов борьбы с такими злоупотреблениями значительно меньше, что нельзя назвать удовлетворительным исходом.

Список использованной литературы:**I. Доктринальные источники:**

1. Абдулов, И.В. Процессуальные средства защиты интересов ответчика от обеспечительных мер в арбитражном процессе / И.В. Абдулов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2016 – № 2. – С. 76-81.

2. Абушенко, Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. / Д.Б. Абушенко. – Тверь, 2013. – 53 с.

3. Дьячук, М. Обеспечительные меры в арбитражном процессе: на что обратить внимание / М. Дьячук // Юридический справочник руководителя. – 2022. – № 10. – С. 34-51.

4. Платонова, Н. В. К вопросу о материально-правовом значении процессуального поведения (комментарий к Определению Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2017 г. по делу № 307-ЭС17-1144) / Н. В. Платонова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 4. – С. 35 - 40.

5. Платонова, Н.В. Возмещение вреда, причиненного предъявлением необоснованного иска: к вопросу о материально-правовом значении процессуального поведения / Н. В. Платонова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 6. – С. 98 -123.

6. Платонова, Н.В. Соккрытие участником процесса фактических обстоятельств дела как основание возникновения деликтного обязательства / Н. В. Платонова // Закон: журнал для деловых людей. – 2022. – № 7(Июль). – С. 71-78.

7. Платонова, Н.В. Обязанность продавца вступить в дело на стороне покупателя: некоторые аспекты применения статьи 462 Гражданского кодекса Российской Федерации / Н.В. Платонова // Арбитражные споры: информационно-аналитический журнал. –2018. – № 3 (83), Июль - Сентябрь. – С. 102-112.

8. Платонова, Н.В. Материально-правовое значение процессуального поведения (постановка проблемы): выпускная квалификационная работа / Н. В. Платонова; науч. рук. Ю. Ю. Петрова; рецензент А. А. Ференс-Сороцкий. Санкт-Петербургский государственный университет. Кафедра гражданского процесса. – СПб. 2015. – 78 с.

9. Панов, Г. Обеспечительные меры как инструмент в корпоративных войнах / Г. Панов // Корпоративный юрист. – 2007. – № 3. – С. 27-34.

10. Рехтина, И.В., Болоньев, М.А. Отдельные аспекты ответственности за злоупотребления процессуальными правами / И.В. Рехтина, М.А. Болоньев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 9. – С. 75-82.

11. Тай, Ю.В., Будылин, С.Л. Обеспечительные меры. Как нам обустроить Россию?! / Ю. В. Тай, С. Л. Будылин // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 89-130.

II. Судебная практика

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.06.2012 по делу № А55-18249/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 по делу № А56-44387/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение ВС РФ от 20.12.2018 по делу № А40-135360/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение ВС РФ от 11.03.2021 по делу № А65-6755/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение ВС РФ от 09.03.2023 по делу № А32-7503/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение ВС РФ от 30.05.2017 по делу № А56-76383/2015 2021 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение ВС РФ от 31.05.2018 по делу № А60-59043/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение ВС РФ от 21.04.2021 по делу № А42-7993/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение ВС РФ от 14.09.2015 по делу № А56-17785/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение ВС РФ от 06.05. 2015 по делу № А53-1835/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление КС РФ от 14.02.2002 № 4-П // СПС «КонсультантПлюс»
13. Определение КС РФ от 27.12.2022 № 3378-О // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 октября 2017 г. по делу № А41-737/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 ноября 2019 г. по делу № А27-5850/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.03.2021 по делу № А51-23168/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 октября 2020 г. по делу № А19-23884/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.04.2017 по делу № А27-9956/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2020 по делу № 88-4581/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2022 по делу № 88-22379/2022 // СПС «КонсультантПлюс».